

памятника среди других правовых сборников, бытовавших и в Древней Руси и в Московской XIV—XV вв.

Все-таки осталось сомнение — только ли от правщиков и от позднего поновления в опубликованном тексте столь много южнославянизмов. Е. К. Пиотровская убедительно показала, что, приспособлявая перевод Земледельческого закона к древнерусской действительности, современники (писцы, переводчики, чиновники) под словом «вино» имели в виду «мед», под словом «виноград» — «огород», «сад», но почему вне объяснения оставлены другие реалии, например «осел» — ни Киеву домонгольской поры, ни тем более Москве неведомое животное (см. с. 240).

Под выражением «властельска повеления» статьи 76 имеются в виду, скорее всего, не воля и согласие «хозяина», а повеления чиновника, лица, облеченного публичной властью (см. с. 245—246), как и в статьях 17 и 18, где переводчица правильно, на наш взгляд, оставила термин «волостель» без перевода (см. с. 236).

Не следовало бы, по нашему мнению, при упоминании о проблеме происжде-

ния пространной редакции Закона Судного людям ограничиваться указанием лишь на точки зрения М. Н. Тихомирова и В. Ганева (с. 257): суждение первого вообще стоит в современной историографии особняком; спор же в основном идет о староболгарском или великоморавском происхождении памятника — о том, связано или не связано его возникновение с именем славянского просветителя Мефодия³.

Несмотря на сделанные частные замечания, мы считаем рецензируемое издание серьезной удачей советского византистведения и славяноведения. Поставленная исполнителями перед собой задача (о ней сказано в начале рецензии) не только успешно выполнена, но, по нашему убеждению, и перевыполнена. Полагаем, что по крайней мере на обозримое будущее — проблема какого-либо нового издания или переиздания Земледельческого закона не возникнет снова перед наукой. Публикация, безусловно, будет стимулировать изучение аграрной истории VI—IX столетий.

Г. Г. Литаврин

Средневековье в свидетельствах современников. М., 1984. 316 с.

Сборник «Средневековье в свидетельствах современников», выпущенный Институтом всеобщей истории АН СССР (отв. ред. Е. В. Гутнова), представляет собой ротاپринтное издание, объем которого около 20 печатных листов и тираж 300 экз. Выходные данные этого рода в данном случае перестают быть внешним признаком книги и начинают играть существенную роль в оценке ее содержания и качества исполнения. Ротاپринтные издания вообще не принято обсуждать в рецензиях, в академических институтах общественного профиля они считаются продукцией не самого «высшего сорта», скорее вспомогательной, чем показывающей научную работу «лицом», для них не выделяют редакторов и корректоров, это своего рода «ученая самодеятельность» научных сотрудников. Тем более хотелось бы привлечь внимание общественности к названному сборнику, который интересен не только сам по себе, но еще и тем, что он может открыть новую страницу в научной жизни академических институтов гуманитарного профиля.

Всем известно, с какими трудностями сопряжена публикация научно-исследовательских работ, если их тематика не признается достаточно актуальной. Эти трудности оказывают неизбежное воздействие на индивидуальные планы работы сотрудников, из которых чисто «академическая», зачастую узкоремесленная работа почти напрочь вытесняется написанием обобщающих, итоговых, популярных или критических статей, монографий, брошюр, разделов в коллективных трудах. Свою ремесленную работу (составление рабочих словарей или указателей, пробные переводы, сводные комментарии, подборка источников и самостоятельное их изучение) научному сотруднику зачастую

некогда делать (и тогда он берет данные из вторых рук), или он проводит ее вне плана (и тогда она уже остается его личным достоянием, которым никто не сможет воспользоваться). На депонирование в научные библиотеки принимают опять-таки статьи и монографии, а не результаты исследовательской работы «в чистом виде» и в полном объеме, не пропущенные через сито концептуально-аналитической обработки. Сборник «Средневековье в свидетельствах современников» тоже представляет на суд читателей не сырой материал. Он, если можно так выразиться, даже слишком хорош для ротاپринта, но в идеале он показывает возможность внутриакадемических публикаций не столько результатов научной работы, сколько самого ее материала, способного инспирировать, возможно, совсем иные выводы и в ином историческом контексте, нежели это предполагает автор продленного исследования, что является реальным вкладом в решение проблемы координации научных работ и повышения их академического уровня. Сборник с интересом прочтут медиевисты различных специальностей: историки, литературоведы, лингвисты, филологи, искусствоведы. Много ценного даст он, в частности, византистам, ибо материалы, опубликованные в нем, имеют прямое или косвенное отношение к истории ранней Византии.

В сборнике публикуется работа В. П. Будановой «Этнонимика германских племен времени великого переселения народов». Работа эта — полный и корректно выполненный словарь с указанием источников упоминания племен. Объем словаря — около 5 печатных листов. По принятым в издательствах нормам этого мало для отдельной книги, для публикации в составе сборника под каким-ни-

³ См.: Сказания о начале славянской письменности. М., 1981, с. 35 и след.

будь отвлеченным заглавием в соседстве с материалами совсем иной тематической направленности — слишком много. Ценным представляется тот факт, что материалы, необходимые для работы или для справок не только германистам и лингвистам, но и византиноведом, балканистам, славистам и вообще каждому, кто столкнется с текстом одного из указанных в приложении к словарю источников, напечатаны в сборнике, специально посвященном средневековью, а именно современным свидетельством его истории. Такая книга не увеличивает поток научной информации и без того необъятной, а помогает ввести его в четкие пределы необходимого, добротного, фундаментального. Составление словарей, как многообъемных, так и малых, от основания наук входило в число фундаментальных научных работ. Имея под рукой такой словарь, исследователь может сэкономить много времени, которое ушло бы на самостоятельные поиски эквивалентов, источников и толкований, а кроме того, приходится считаться с той реальностью, что не всегда справка об элементе этнонимики может потребоваться только такому специалисту, который в состоянии ее отыскать сам, зачастую тот или иной ученый не подготовлен для этой узкоспецифической работы, не владеет языками первоисточников. Работа такого рода очень полезна для коллег и представителей смежных специальностей.

Наряду с составлением словарей почетным разделом научной работы всегда считалось комментирование первоисточников, включавшее в себя перевод и объяснение трудных или достойных внимания мест. Раньше такая работа была привилегией учейнейших авторитетов, теперь у нас ее могут позволить себе разве что студенты в курсовых работах или счастливые участники больших изданий серии «Литературные памятники» (или «Памятники исторической мысли», «Памятники философской мысли»). Но если речь идет не о большой книге, а о фрагменте, то комментарий к нему представить на обсуждение ученых практически невозможно. Опять-таки счастливое исключение из правила можно найти в сборнике «Средневековье в свидетельствах современников». В него включена работа А. А. Чекаловой, состоящая из вступительной статьи, перевода и комментария небольшого фрагмента из большого сочинения Прокопия Кесарийского «История войн с персами», своего рода мини-памятник, цельное повествование о самостоятельном историческом эпизоде, представленное в законченной научной обработке.

Специалистам-византиноведом значение этой публикации не придется объяснять, однако она заинтересует любого историка и любителя истории — описанное в данном фрагменте восстание «Ника» принадлежит к наиболее драматическим событиям византийской истории. Прокопий насыщает свой рассказ всеми дарами риторики: обилием сплетен и ярких речей, нагнетанием действия и психологических столкновений, реальным и

моралистическим комментарием. Выбранный А. А. Чекаловой фрагмент дает почти всестороннее представление о характере сочинения в целом, перевод открывает перед читателем текст, а комментарий помогает сжато повествование прочесть «стереоскопически», представить место действия и действующих лиц, знакомит с укладом жизни и выявляет скрытые мотивы в речах и поступках, благодаря чему читается с интересом не меньшим, нежели сам текст перевода. Следует заметить, что в данной публикации объем комментария более чем вдвое превышает объем комментируемого текста — ситуация, хорошо знакомая классической филологии. Преимущества ее неопценимы, однако в современной издательской практике это — давно потерянный рай. Хочется выразить надежду, что ротап rint поможет нам восстановить права пространного комментария, не только библиографического, предметного и персонального, но и реально-исторического в широком смысле этого слова, как это свойственно лучшим академическим изданиям.

Философский комментарий к философскому сочинению можно без преувеличения назвать высшей ступенью гуманитарной учености. В наши дни он составляет содержание философских монографий или статей, в изданиях философских сочинений для него почти не оставляют места (исключение — прокомментированный А. Ф. Лосевым в последнем четвертом издании Платон). В сборнике «Средневековье в свидетельствах современников» публикуется часть комментария к Порфирию последнего поэта и ученого античности Бозция в переводе и с комментариями Т. Ю. Бородай. Что Бозций оказался на высоте своей сложной задачи, засвидетельствовано всей последующей традицией философского образования в средние века и новое время. Вся греческая философия была воспринята латиноязычной Европой в переводе и толковании Бозция, и восприятие это оказалось столь же адекватным, сколь и продуктивным. Для данного издания гораздо более важно то, что со своей ответственной задачей весьма успешно справилась и Т. Ю. Бородай. Ее комментарий в десять раз меньше по объему, чем комментируемый текст, но ясности и объемности в наше понимание данного сочинения Бозция он вносит не меньше, чем пространный комментарий к фрагменту Прокопия, восхищение перед которым было высказано несколько выше. Собственно, здесь комментарий начинается уже с самого текста перевода, поскольку только полное и ясное понимание предмета изложения, т. е. существа философского вопроса, затронутого Бозцием, и своеобразия предложенного великим комментатором Порфирия решения его, позволяет переводчику сложнейшего не столько по языку, сколько по глубине мысли текста добиться в переводе подкупающей (и даже едва ли не дезориентирующей читателя в представлении о степени сложности оригинала) простоты, вразумительности и даже изящества. В примечаниях переводчице остается лишь дополнять информа-

цию, содержащуюся в тексте, а не растолковывать темные места перевода, каковых просто не оказывается. Дополнения состоят из ссылок на параллельные места в сочинениях других античных авторов или самого Бозэция, а также в объяснении того, что в тексте лишь названо, но не раскрыто. Приятно отметить, что и в примечаниях Т. Ю. Бородай сохраняет верность изяществу и ясности выражений, достигнутым ею в переводе. Бозэций относится к числу тех авторов, которые своим трудом и мастерством показали и доказали, что все самые сложные достижения человеческой мысли имеют в своей основе самые простые человеческие проблемы, а поэтому могут и должны быть выяснены и изложены ясным и доступным простому человеку языком. Читатель получил новый пример того, как благотворно может оказаться для науки соприкосновение с произведениями, требующими от ученого всей его учености, а начинающему предоставляющими все льготы пропедевтической снижаемости в обмен на искреннее желание его учиться. Ясно могут писать и ученые наших дней при условии, если они берутся за перо во всеоружии своей образованности.

Бозэций в рассматриваемом сборнике — своего рода бенефициант, ему и его сочинениям отведено более двух третей книги, что вполне оправдано и собственными достоинствами этого автора, весьма ученого и мастерски владевшего разнообразными приемами публичного красноречия и художественного творчества, и его местом на грани античности и средневековья: последний философ античности, он стал первым средневековым писателем, первым «свидетелем» новой эпохи. Бозэций был одним из многих западноевропейских авторов, хорошо известных в Византии. Мир чувств, размышлений, разочарований и надежд человека своего времени выразил и запечатлел Бозэций в своем исполненном великолепием и задушевности сочинении «Утешительные беседы Философии», или, как его еще называют, «Об утешении философией». То, что сборник «Средневековье в свидетельствах современников» (хотелось бы надеяться — первый в серии подобных изданий) открывается переводом этого сочинения, показывает, что книга была хорошо продумана и готовилась не как случайное собрание стихийно накопившихся материалов. Далеко не всем сериям удастся получить начало от истинного начала, в данном случае это удалось. «Утешение» Бозэция было началом не только в хронологическом смысле, оно было тем началом, которое сопровождало эпоху на всем ее пути и было передано последующим эпохам как одна из ее вех, как своего рода визитная карточка, ее портрет, ее достижение.

Публикация полного перевода «Утешения» на русский язык — событие в нашей науке. Читатель, до сих пор только понаслышке знакомый с этим шедевром латинской прозы, получивший представление о разнообразной творче-

ской манере Бозэция-писателя по переводу первой книги, выполненному Ф. А. Петровским, большим мастером художественного перевода, одним из крупнейших филологов-классиков нашего времени, впервые может держать в руках и прочитать от первой до последней строчки эту книгу, которой зачитывались века. Перевод В. И. Уколовой помогает понять, в чем заключался секрет популярности Бозэция: речь его проста и полна искренности, слог пестрит метафорами, но самыми прозрачными, повествование перебивается восклицаниями, вопросами, анафорами, легко и естественно переходит в стихи. Русские загадки, какими М. Н. Цетлин передает стихи Бозэция, своим прихотливо-сбивчивым ритмом и риторской пышностью отвечают разнообразию и изысканности метров оригинала, а также характерной для латинской поэзии стилистике мифологических топов. Как можно узнать из сопроводительной статьи,* традиция переводов «Утешения» насчитывает много веков, а списки переводчиков включают и коронованных особ. Король стиля, Бозэций, можно предположить, будет еще не раз вызывать на соревнование русских мастеров красноречия, но опубликованный в сборнике перевод станет фундаментом для всех последующих опытов возведения русского Бозэция. Уже сегодня мы получили возможность слышать голос Бозэция, читать его мысли, в известной степени прочувствовать его художественное мастерство.

Предложенные вниманию читателей в этом сборнике переводы и комментарии к Бозэцию являются серьезной заявкой на издание тома сочинений Бозэция в серии философского наследия. Еще более основательной заявкой на издание монографии о Бозэции следует признать вступительную статью В. И. Уколовой, чьи работы по изучению наследия этого автора широко известны и даже были отмечены высокой наградой Ленинского комсомола. В этой вступительной статье автору удалось выйти на высокий научный уровень целостного понимания индивидуальности Бозэция и места его как в духовной жизни своего времени, так и в исторической перспективе. Написана статья блестяще: живо, увлекательно, содержательно и умно. Первое чувство по прочтении статьи — сожаление, что она так быстро кончилась. Совершенно очевидно, что автор не успел рассказать всего, что он знает о Бозэции и его времени, поделить всеми плодами своих долгих и увлеченных исследований.

Руководство Института всеобщей истории АН СССР, научный совет «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой» начали большое и важное дело публикации традиционно академических видов работ для пользования специалистов. Все, кто сумеет познакомиться с этим сборником, испытывают глубокую благодарность к авторам и руководителям издания. Благодарность была бы более широкой, если бы тираж издания не был таким

скромным: переводы источников, комментарии к ним, словари — это такие материалы, которые каждый специалист хотел бы иметь под рукой; возможно, следовало бы наладить более широкую информацию о готовящихся изданиях и организовать внутри академических институтов подписку на подобные выпуски (ведь 300 экземпляров — не предел для ротапринта). В подобных изданиях можно было бы шире использовать рисунки, диаграммы, иноязычные тексты. Наконец, можно мечтать и об издании параллельных текстов оригинала и перевода. В оформлении книги «Средневековье в свидетельствах современников» особенно трагично собственноручно нарисованный В. И. Уколовой титульный лист — мы видим, что ученый XX века может быть так же предан книжному

делу, как современник Алкуина, и вложить в оформление своего труда столько же любви и старания, сколько он вложил в научную работу.

В заключение хотелось бы выразить пожелание, чтобы ротапринтные издания шире использовались и чаще рецензировались, чтобы публикация такого рода рассматривалась как вынесение работы на широкое обсуждение, а рецензии принимались во внимание теми инстанциями, где будет решаться вопрос о целесообразности передачи той или иной работы в издательство «Наука» для выпуска массовыми тиражами. Сборник «Средневековье в свидетельствах современников» может стать для последующих опытов и парадигмой, и критерием оценки их достоинств.

Т. В. Васильева

Vom Bauernhof auf den Kaiserthron. Das Leben des Kaisers Basileios I. Übersetzt, eingeleitet und erklärt von Leopold Breyer. Graz; Wien; Köln; Styria, 1981 (Byzantinische Geschichtsschreiber, Bd. 14)

Очередной, 14-й выпуск серии «Византийские историки», издаваемой в Австрии (в настоящее время ответственный редактор — И. Кодеп), представляет перевод V книги так называемого Продолжателя Феофана — анонимного сочинения, очевидно, написанного по заказу императора Константина VII Багрянородного (905—959). Пятая книга, содержащая жизнеописание Василия I (далее: ЖВ), основателя Македонской династии, правившей около двухсот лет (867—1056), была составлена, скорее всего, около 948 г. и, вероятно, принадлежит перу царственного внука Василия I — самого Константина VII. С выходом в свет перевода ЖВ историки-медиевисты, не знающие греческого, получают важный источник по истории Византии IX в., а также сопредельных с нею народов — славян, франков, арабов. Что же касается читателя-неспециалиста, то у него появляется возможность познакомиться еще с одним памятником византийской литературы, основная масса которой отделена от него в первую очередь стеной греческого языка. Стоит отметить, что в данном случае ЖВ впервые целиком переводится на новый язык¹. Остается также только сожалеть, что в отечественном византиноведении нет столь же хорошей, полезной и к тому же регу-

лярно выходящей серии, как «Византийские историки».

Леопольд Брейер² снабдил свой перевод обширным введением, примечаниями, а также именным и географическим указателями. Перевод ЖВ выполнен по тексту «Боннского корпуса», при этом положительной стороной издания является то, что Брейер привлек чтения до сих пор не учитывавшейся самой ранней рукописи памятника (XI в.) Vat. Gr. 167³. Эта рукопись положена в основу нового издания текста ЖВ, подготавливаемого в настоящее время американским византистом И. Шевченко. Наряду с этим продуктивна попытка Брейера сделать источник «видимым» в буквальном смысле этого слова: в целом ряде случаев он соотносит текст ЖВ с миниатюрами мадридской рукописи Скилицы, которые изданы в работах П. Шеррада и Д. Моравчика. Наконец, приятно видеть, что в списке использованной литературы (с. 30—36) упомянуты работы русских и советских византистов. Неясным остается лишь факт, пользовался ли Брейер существующими переводами ЖВ в отрывках⁴, а также был ли привлечен им материал для критического издания ЖВ, собранный К. де Боором и в настоящее время хранящийся в Институте византиноведения и новогреческой филологии (Мюнхен)⁵.

¹ В библиографиях К. Крумбахаера, Д. Моравчика и Г. Хунгера указаний на полный перевод ЖВ не содержится. См.: *Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur*. München², 1897, S. 349; *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica*, Bd. 1: Die byzantinischen Quellen zu der Geschichte der Turkvölker (=BBA, 10). В. 2, 1958, S. 542; *Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*. München, 1978, Bd. 1, S. 341.

² Перу Л. Брейера принадлежит также перевод отрывков из хронографии Феофана. См. рец. М. Я. Сюзюмова: ВВ, 1960, XVII, с. 257—260.

³ Крумбахер, правда, относит эту рукопись к XII в. См.: *Krumbacher K. Op. cit.*, S. 349.

⁴ *Moravcsik Gy. Op. cit.*, S. 542.

⁵ Там же. Необходимо также отметить последний русский перевод ряда глав ЖВ (78—94), выполненный В. Д. Лихачевой и Я. Н. Любарским. См.: ВВ, 1981, 42, с. 171—183 (далее: *Любарский, Лихачева*).